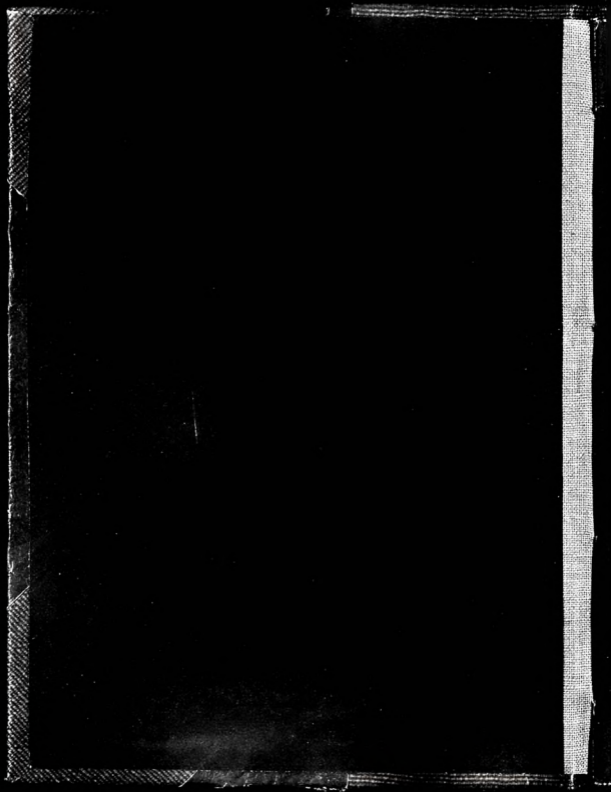

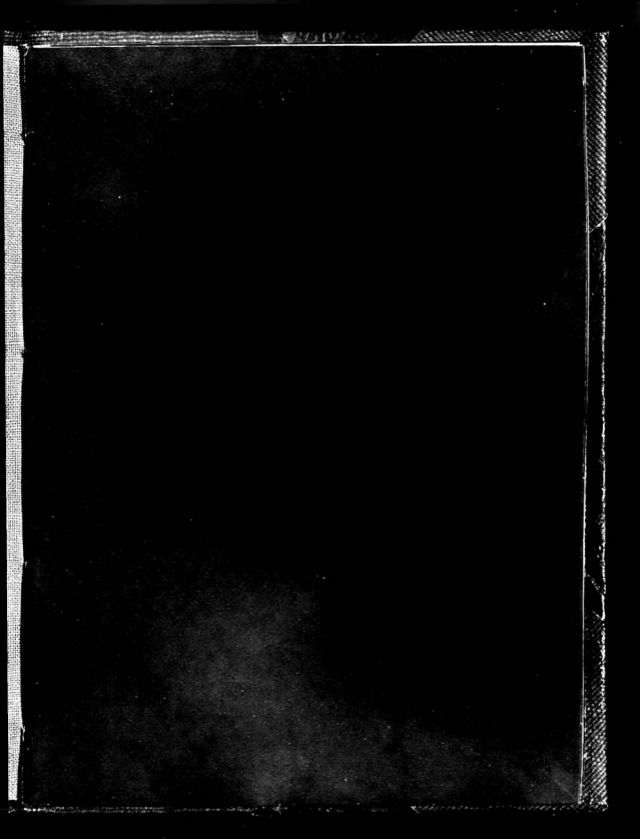
ТРОИЦКИЙ
ИВАН ПЕТРОВИЧ
Гражданской
ВОЙНЫ

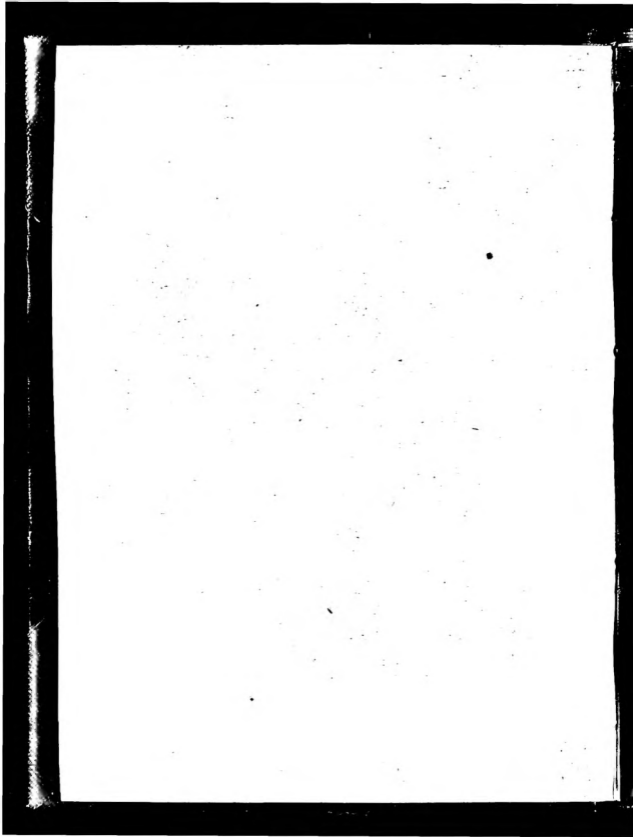
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ЕНП	1
В 399	

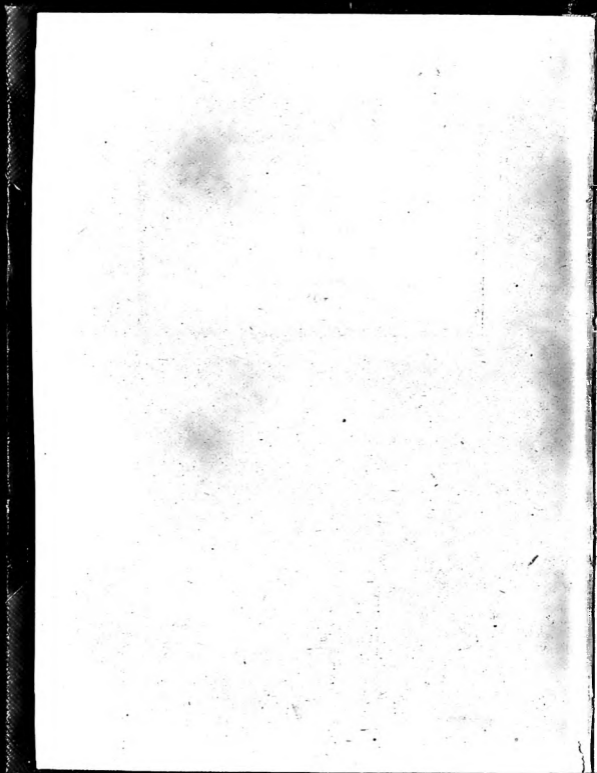

Л. Д. ТРОЦКИЙ
ВОПРОСЫ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ

ЕН171
В 399

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОССИИ
1924

С.С.С.Р.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН №1

В 399

Л. Д. ТРОЦКИЙ

X

В О П Р О С Ы
Г Р А Ж Д А Н С К О Й
В О Й Н Ы

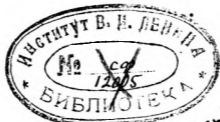
Государственное Военное Издательство
Москва

1924

1011-

К.

ЕН171
В399

1062637 (1921-1925) 28/1 с. 1.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
№ 1127
ТИРАЖ 15000 экз.
главлит № 27156
ТИПОГРАФИЯ
«9-Е ЯНВАРЯ»
МОСКВА,
СЕРЕБРЯНИЧЕСКАЯ
НАБ., Д. 23-а

Возможен ли „устав“ гражданской войны?

Позвольте сделать маленькое вступление к беседе. Дело, товарищи, в том, — об этом я уже говорил в своем весеннем докладе в Академии, — что мы до сих пор не собрались подытожить опыт гражданской войны, не только международной, но и нашей. Между тем, потребность в этом — и с теоретической, и с практической стороны — колоссальнейшая. Гражданская война играла исключительную роль во всей истории человечества. За время с 1871 г. до 1914 г. роль эта для Западной Европы казалась (реформистам) отошедшей в прошлое. Империалистская война опять поставила гражданскую войну в порядок дня. Мы это знаем и понимаем, мы это ввели в нашу программу. Но научного подхода к гражданской войне, к ее этапам, формам и методам у нас нет или почти нет. Даже в смысле простого описания того, что происходило в этой области за последнее десятилетие.

В печатаемой брошюре сведены три выступления тов. Троцкого на заседании правления Военно-Научного Общества 29 июля 1924 г.

тие, мы обнаруживаем чудовищную отсталость. Недавно, по другому поводу, я обратил внимание на то, что мы посвящаем довольно много времени и усилий Парижской Коммуне 1871 г., а пропускаем совершенно мимо себя борьбу немецкого пролетариата, у которого есть уже богатый опыт гражданской войны, почти не занимаемся, например, опытом болгарского вооруженного восстания в сентябре прошлого года. И, наконец, самое поразительное это то, что мы как бы совершенно сдали в архив опыт Октября: совершили, мол, и ладно... А у Октября, товарищи, есть чему поучиться, в том числе и военным деятелям, ибо будущие войны в несравненно большей степени, чем прошлые, будут сочетаться с различными формами гражданской войны. В частности, разработка опыта болгарского восстания в сентябре прошлого года—вопрос высокого военно-революционного интереса. Здесь можно собрать все документы, вызвать участников события,—их немало живет теперь на советской земле,—и записать показания этих живых свидетелей. Все средства для изучения налицо. Болгарские события легко обозреть: площадь, на которой разыгрывалось восстание, не больше нашей крупной губернии, а организация борющихся сил, политические группировки и пр.—все это носит государственный характер. К тому же опыт болгарско-

го восстания для стран с подавляющим большинством крестьянского населения (а таких стран много,—весь Восток таков) имеет колоссальнейшее значение.

Итак, в чем же собственно задача? Задача в том, чтобы составить универсальный справочник или руководство, или учебник, или устав по вопросам гражданской войны, следовательно, прежде всего, по вооруженному восстанию, как высшему моменту революции. Нужно подытожить опыт, проанализировать условия, разобрать ошибки, выделить наиболее правильные операции, извлечь необходимые выводы. Обогадим ли мы этим науку, т. е. познание законов исторического развития, или искусство, как совокупность выведенных из опыта правил действия? И то и другое, думается мне. Но цель у нас строго практическая: обогатить военно-революционное искусство.

Такого рода «устав» будет, по необходимости, иметь очень сложное построение. Прежде всего, нужно дать характеристику основных предпосылок захвата власти пролетариатом. Здесь мы еще отстаем в области революционной политики, но ведь восстание и есть продолжение политики—только особыми средствами. Анализа предпосылок вооруженного восстания надо приурочить к разным типам стран. Есть страны с большинством пролетарского населения и страны с ничтожным мень-

шинством пролетариата и с абсолютным преобладанием крестьянства. Между этими двумя полюсами располагаются страны переходного типа. Нужно, стало быть, положить в основу исследования, по крайней мере, три «типовые» страны: индустриальную, аграрную и промежуточную. Введение (о предпосылках и условиях революции) и должно дать характеристику особенностей каждого из этих типов под углом зрения гражданской войны. Восстание мы рассматриваем двояко: с одной стороны — как определенный этап исторического процесса, как определенное преломление объективных законов классовой борьбы; с другой стороны — с субъективной или активной точки зрения: как подготовить и провести восстание, чтобы вернее всего обеспечить победу его. Тут тесная аналогия с войной. И война есть, разумеется, продукт известных исторических условий, результат столкновения интересов. В то же время война есть искусство. Теория войны есть учение о силах и средствах ее и об их группировке и употреблении для обеспечения победы. И восстание есть искусство. Может и должна быть разработана теория восстания, понимаемая в чисто-практическом смысле, т.-е. приближающаяся до известной степени к военным уставам.

Конечно, тут можно сразу же натолкнуться на целый ряд недоумений и возражений: как,

вы собираетесь писать устав вооруженного восстания, а тем более гражданской войны? Но ведь это явная бюрократическая утопия. Вы хотите милитаризировать историю. Революционный процесс не поддается регламентации. Революция в каждой стране отличается величайшим своеобразием. Обстановка в революции непрерывно меняется. Не чудовищна ли сама мысль свести революционное руководство к ряду готовых шаблонов, записать по образцу австрийского гофкригсрата ряд непреложных параграфов и предписать их к неременному руководству?!

Да, если бы кто-либо претендовал на что-либо подобное, то подлежал бы осмеянию. Но в сущности все эти соображения можно привести и против наших военных уставов. Война происходит всегда в новой обстановке, при новых условиях, которых нельзя заранее учесть. Тем не менее, без уставов, сводящих воедино военный опыт, немудимо руководство армией ни в мирное время, ни, тем более, в бою. Старое изречение «не держись уставов, как слепой стены» нисколько не умаляет значения уставов, подобно тому, как диалектика не умаляет значения формальной логики и, в частности, правил арифметики. Несомненно, что элементов плановости, организованности, преднамеренности в гражданской войне несравненно меньше, чем в войне «на-

циональных» армий. В гражданской войне политика сочетается с военными действиями несравненно теснее и непосредственнее, чем в «национальной» войне. Механическое перенесение методов из одной области в другую поэтому недопустимо. Но это вовсе не значит, что нельзя на основании всего имеющегося опыта вывести определенные методы, приемы, указания, директивы, советы, которые имеют типовое значение и могут быть превращены в уставы и правила гражданской войны. К числу таких правил будет отнесено, разумеется, и указание на необходимость строжайшего подчинения чисто военных действий общей политической линии, строжайшего сообразования с обстановкой, с настроениями масс и пр. Во всяком случае, прежде чем пугаться утопичности такой задачи и пугать ею других, нужно путем тщательного исследования разрешить, существуют ли общие правила, обуславливающие победу в гражданской войне или облегчающие эту победу, в чем эти правила состоят и пр. Только на пути такой проработки можно установить, где кончается область правильных, полезных, дисциплинирующих работу указаний и где начинается область бюрократической фантастики.

Попробуем же под этим углом зрения подойти к революции. Высшим ее моментом является вооруженное восстание, которое решает во-

прос о власти. Вооруженному восстанию предшествует непосредственный период организационной и технической подготовки, разумеется, на основе определенной политической кампании. Самый момент вооруженного восстания представляет собою, по общему правилу, краткий, но решающий период в ходе революции. Затем, в случае победы, наступает период закрепления ее путем разгрома остающихся налицо сил врага и создания новой государственной организации и вооруженной силы. В соответствии с этим устав гражданской войны—будем пока условно называть нашу работу этим именем—должен распадаться, по меньшей мере, на три части: раздел о подготовке к вооруженному восстанию, раздел о восстании и, наконец, раздел о закреплении победы. Таким образом, кроме указанного уже мною принципиального вступления, характеризующего опять-таки в сжатом, уставном или резолютивном виде предпосылки и условия революции, наш устав будет заключать в себе три части, об'емлющие три важнейшие последующие этапа гражданской войны. Такова стратегическая архитектура всей работы. Мы здесь имеем именно стратегическую задачу: последовательную комбинацию различных сил и средств с целью разрешения основной задачи—захвата и удержания власти. Каждая из частей этой стра-

тегии гражданской войны предполагает ряд частных тактических задач: создание опорных, боевых ячеек на фабриках и заводах, подготовку революционных комендантур на железных дорогах и в городах, специальную подготовку к захвату жизненных городских центров и проч. Такие же частные тактические задачи вытекают из следующего этапа, т.е. по отношению к открытому восстанию, а также и из третьей части нашего устава, охватывающего период разгрома побежденного врага и закрепления власти победителя.

Если мы примем такую или подобную организационную схему, то мы сможем приступить к работе одновременно с разных концов. Можно будет с самого начала создать группу товарищей, которые займутся разработкой отдельных частных тактических вопросов, связанных с гражданской войной. Другие группы займутся выработкой общей стратегической схемы принципиального введения и пр. Одновременно понадобится, очевидно, разработка наличных исторических материалов под углом зрения гражданской войны, ибо ясно, что устав мы собираемся строить не от чистого разума, а под углом зрения наличного опыта, освещенного и обобщенного, с одной стороны, с точки зрения марксизма, а с другой — с точки зрения военного дела.

Я ничего не говорю пока о системе изложения. Здесь было бы преждевременно предопределять что-либо заранее. В военных уставах имеются, как известно, только «порядки, а времен и случаев нет», т.е. имеются только директивные указания, а конкретных примеров и пояснений не приводится. Сможем ли мы выдержать этот же метод изложения и для устава гражданской войны? В этом я не уверен. Очень возможно, что нам придется тут же, или в дополнительном комментарии, давать необходимый иллюстративный исторический материал, или, по крайней мере, ссылку на него. Такой способ изложения может оказаться полезным прогивоядием против излишней схематизации. Но, повторяю, предопределять уже сейчас лигературную конструкцию, по меньшей мере, преждевременно.

Вооруженное восстание и назначение „срока“.

Устав гражданской войны или устав вооруженного восстания? Я думаю все-таки, что если вообще брать слово устав, то скорее уж устав гражданской войны. Мне кажется, что некоторые товарищи возражали против этого, как-будто смешивая гражданскую войну с классовой борьбой, а вооруженное восстание—с гражданской войной. Гражданская война представляет определенный этап клас-

совой борьбы, когда эта последняя прорывает рамки легальности и переходит в плоскость открытого и до известной степени физического соразмерения сил. В этом истолковании гражданская война охватывает и стихийные восстания по частным поводам, и кровавые выступления контр-революционных банд, и революционную всеобщую стачку, и вооруженное восстание во имя захвата власти, и период подавления попыток контр-революционного восстания. Все это входит в рамки понятия гражданской войны, все это шире вооруженного восстания и все-таки несравненно уже понятия классовой борьбы, которая проходит через всю историю. Если говорить о вооруженном восстании, как задаче, то уж точно, а не так, как сплошь и рядом говорят—бесформенно, расплывчато, растворяя его в революции и тем сводя его на-нет. От этой расплывчатости нам нужно отучить других и потому — прежде всего отучиться самим. Где дело идет о вооруженном восстании, там мы стоим перед вполне уж определенной целью, распределяем роли, даем задания, связанные, разумеется, с движением масс, вооружаем, выбираем момент, наносим удар и—берем власть, если.. нас не разбивают на-голову. Вооруженное восстание, по крайней мере по замыслу, должно быть разыграно по плану. Восстание есть определенный этап революции. После то-

го, как власть захвачена, гражданская война не прекращается, но принимает другие формы. Наш устав должен охватить и этот последующий этап. Вот почему речь идет именно об уставе гражданской войны, а не только об уставе вооруженного восстания. Хотя можно, разумеется, выделить и одну лишь эту задачу, как центральную.

Об опасностях схематизации мы уже говорили, но подойдем к этому вопросу по-конкретнее, хотя бы на одном примере. Схематизацию, и притом крайне опасную, мне пришлось иногда наблюдать на подходе некоторых из молодых наших военных академиков к военным вопросам революции. Если мы возьмем три размежеванных нами этапа гражданской войны, то скажется, что военная работа руководящей революционной партии носит, применительно к каждому из этих периодов, совершенно особый характер. В подготовительный период мы имеем еще, очевидно, дело с наличием вооруженной силы господствующего класса, его армии, полиции и пр. Военная работа революционной партии на девять десятых состоит в этот период в организации разложения, взрывов изнутри и пр. вражеской армии и на одну десятую часть — из подготовки элементов собственной вооруженной силы. Разумеется, это арифметическое соотношение я беру совершенно произвольно, но оно все

же характеризует действительное содержание военно-подпольной работы революционной партии. Чем ближе к моменту вооруженного восстания, тем больше места занимает работа по созданию собственных вооруженных и полувооруженных отрядов. Здесь-то и возникает опасность академического схематизма. Совершенно очевидно, что отряды, при помощи которых революционная партия готовится совершить восстание, не могут иметь правильного характера, тем более по типу войсковых единиц высшего типа: бригад, дивизий или корпусов. Разумеется, руководящий орган восстания должен стремиться внести в него как можно больше элементов плана. Но план восстания строится не на централизованном управлении вооруженными силами революции, а на самой широкой самостоятельности каждого отдельного отряда при наивозможной определенности указанной ему заранее частной задачи. Вооруженная борьба со стороны восстающего ведется—по общему правилу—методами «малой войны», следовательно, отрядами партизанского или полупартизанского типа, связанными больше политической дисциплиной и единством ясно осознанной задачи, чем какой-либо правильной централизованной иерархией военного управления. После овладения властью задача резко меняется. Борьба победоносной революции за самосохра-

нение и развитие переходит сразу в борьбу за создание централизованного государственного аппарата. Партизанщина, не только неизбежная, но и глубоко прогрессивная в период борьбы за власть, может стать после завоевания власти источником величайших опасностей, расшатывая слагающуюся революционную государственность. Тут-то и открывается уже период создания регулярной Красной армии. Все эти моменты должны найти свое последовательное отражение в уставе гражданской войны.

В тесной связи с этим стоит вопрос о так называемом сроке вооруженного восстания. Само собою разумеется, что дело не идет о каком-нибудь произвольном назначении срока, так сказать через голову событий, дело не идет также о назначении какого-либо неподвижного и незыблемого срока. Наконец, уже во всяком случае, дело не идет об открытом провозглашении какого-либо срока в духе старой летописи: такого-то числа «иду на вы». Чтобы так подходить к вопросу о сроке, нужно обладать совсем-таки ребяческим представлением о характере революции и ходе ее. Что восстание не вызывается по произволу, это мы, как марксисты, должны знать твердо и понимать ясно. Но когда объективные условия для восстания налицо, то восстание не само по себе делается, — его нужно сделать.

А чтобы сделать его, руководящий орган должен иметь в голове план восстания, прежде чем его осуществить. План восстания предполагает ориентировку в пространстве и во времени. Нужен самый тщательный учет всех факторов и элементов восстания, нужен глазомер, чтобы определить их динамику, нужен глазомер, чтобы определить тот разбег, какой требуется авангарду класса, чтобы не оторваться от класса, и в то же время совершить решающий прыжок. Одним из необходимых элементов этой ориентировки является срок вооруженного восстания. Он намечается заранее, когда предпосылки восстания вырисовываются яснее. Разумеется, этот срок не провозглашается во всеуслышание, наоборот, он маскируется по возможности от врага, но так, чтобы не ввести в заблуждение собственную партию и массы, идущие за нею. Работа партии в разных областях приурочивается к этому сроку, подгоняется под него. Разумеется, если глазомер обманул нас, то срок может быть изменен, хотя это всегда уже связано с серьезными затруднениями и опасностями.

Надо прямо сказать, что вопрос о сроке восстания приобретает в некоторых случаях характер лакмусовой бумажки по отношению к революционному сознанию многих и многих западно-европейских коммунистов, до сих пор не освободившихся от выжидательного, фата-

1062637

Библиотека

Института В. И. Ленина

~~С 90~~
~~12085~~

листического подхода к основным задачам революции. Наиболее глубокое и талантливое выражение этот подход нашел еще у Розы Люксембург. Психологически это вполне понятно. Она выросла, главным образом, в борьбе против бюрократического аппарата германской социал-демократии и германских профсоюзов. Она неутомимо доказывала, что этот аппарат удушает инициативу масс, и она видела спасение и выход в стихийном движении низов, которое должно опрокинуть все социал-демократические заставы и рогадки. Революционная всеобщая стачка, переливающаяся через все берега буржуазного общества, стала для Люксембург синонимом пролетарской революции. Но всеобщая стачка, какой бы мощной массовидностью она ни отличалась, еще не решает проблемы власти, а только ставит ее. Чтобы взять власть, нужно на основе всеобщей стачки, организовать вооруженное восстание. Разумеется, все развитие Розы Люксембург шло в этом направлении: она сошла со сцены, не сказав не только своего последнего, но и своего предпоследнего слова. Однако, в германской коммунистической партии очень сильны были до самого недавнего времени тенденции революционного фатализма: революция идет, революция приближается, революция принесет с собою вооруженное восстание и власть, а партия...

будет в это время вести революционную агитацию и ждать последствий. В такого рода условиях ставить ребром вопрос о сроке—значит пробуждать от фаталистической пассивности и поворачивать лицом в сторону основной революционной задачи, т.е. сознательно организованного вооруженного восстания с тем, чтобы вырвать у врага власть.

Вопрос о сроке в намеченной выше постановке также должен найти свое место в уставе гражданской войны. Этим самым мы облегчаем подготовку партии к восстанию, по крайней мере, подготовку ее руководящих кадров. Нужно иметь в виду, что для коммунистической партии самым грудным будет переход от длительной подготовительной работы к непосредственной борьбе за власть. Этот переход не может быть совершен без кризиса, причем очень и очень глубокого, ослабить этот кризис, облегчить группировку наиболее решительных руководящих элементов можно только одним путем: побуждая кадры партии продумывать и прорабатывать все вопросы революционного восстания заранее, и тем конкретнее, чем ближе надвигаются события. Изучение Октябрьской революции имеет с этой точки зрения совершенно неоценимое и незаменимое значение для европейских коммунистических партий. К сожалению, такого изучения сейчас нет, и его не может быть, покада не

будут созданы надлежащие пособия. Мы сами не изучили и не свели воедино опыт Октябрьской революции и в частности ее военно-революционный опыт. Нужно проследить все этапы подготовки от марта до октября, ход октябрьского восстания в нескольких наиболее типических пунктах и затем—борьбу за закрепление власти.

Для кого мы будем писать этот устав? Некоторые товарищи говорили здесь: для рабочих, для того, чтобы каждый рабочий знал и пр. Разумеется, было бы очень хорошо, если бы «каждый» рабочий знал. Но такая постановка вопроса слишком широка и утопична. Начинать, во всяком случае, нужно не с этого. Наш устав должен быть в первую голову предназначен для руководящих кадров, для командного состава революции. Разумеется, по частям, по отдельным вопросам он будет популяризоваться для более широких кругов, но в первую голову он должен быть предназначен для руководителей. Прежде всего, нам нужно самим собрать свой опыт и свои мысли—для себя самих, по возможности ясно формулировать их, тщательно проверить и привести, по возможности, в систему. Некоторые военные писатели жаловались до империалистической войны, что войны происходят слишком редко для воспитания военачальников. С не меньшим основанием можно ска-

звать, что революции происходят слишком редко для воспитания революционеров. Нашему поколению повезло в том смысле, что мы уже зрелыми людьми проделали революцию в 1905 году и дожили до руководящего участия в революции 1917 г. Но и то приходится сказать, что в будни революционный опыт очень быстро выветривается. Столько новых практических, повседневных, частичных и неотступных задач! Мы теперь гораздо чаще вынуждены рассуждать о том, как делается ситец, Волховстрой, кольчуг-алюминий, чем о том, как делается вооруженное восстание. Но и этот последний вопрос далеко еще не устарел. Ответ на него понадобится истории еще не раз.

Когда начинать?

Германская катастрофа прошлого года поставила Коммунистический Интернационал перед вопросом о методах организации революции и, в частности, перед вопросом о революционном восстании. На этой основе вопрос о назначении срока получил принципиальное значение, так как на нем яснее и повелительнее всего заостряются все вопросы, связанные с организацией революции... Социал-демократия усвоила по существу то отношение к революции, какое характеризует либерализм в эпоху борьбы буржуазии с феодалами и мо-

и́архией за власть. Буржуазный либерализм спекулирует на революции, не беря на себя ответственности за нее. В подходящую минуту массовой борьбы либерализм бросает на чашу весов свой имущественный вес, свой образовательный ценз и другие средства классового влияния, чтобы захватить власть в свои руки. Германская социал-демократия сыграла подобную же роль в ноябре 1918 г., являясь при этом по существу политическим аппаратом для передачи власти, вырванной из рук Гогенцоллерна, в руки буржуазии. Такая политика выжидательной спекуляции абсолютно несовместима с коммунизмом, поскольку он ставит себе задачей вырвать государственную власть от имени пролетариата и в интересах пролетариата. Пролетарская революция есть революция огромных масс, в большинстве своем не организованных. Элемент стихийности играет в движении колоссальную роль. Обеспечить победу может только централизованная коммунистическая партия, которая ставит себе вполне определенно цель захвата власти, тщательно эту цель продумывает, прорабатывает, подготавливает и—на основе массового восстания—осуществляет. Коммунистическая партия своей централизованностью, решительностью, плановым подходом к вооруженному восстанию заменяет пролетариату в деле борьбы за власть те преимущества, какие

буржуазии давались уже одним ее экономическим положением. В этой связи вопрос о сроке не есть какая-либо техническая деталь, — в вопросе о сроке ярче и конкретнее всего выражается отношение к восстанию, как искусству.

По вопросу о том, когда начинать (вопрос о сроке), нельзя, разумеется, переносить чисто военное представление на вооруженное восстание. Государство, располагающее необходимой армией, может войну начать, вообще говоря, в любой момент. Во время самой войны вопрос о переходе в наступление решается командованием, разумеется, не по произволу, а с учетом всей обстановки, но учет чисто военной обстановки все же проще, чем учет обстановки революционно-политической. Военное командование имеет дело с вполне оформленными боевыми единицами, связанными преднамеренной, тщательно продуманной и проработанной связью, — командование как бы держит армию в кулаке. Разумеется, этого нет и не может быть в революции. Здесь боевые отряды не отделены от массы и могут развить ударную силу только в связи с наступательным движением самой массы. Революционное командование должно, следовательно, уловить ритм движения для того, чтобы правильно определить момент, когда можно перейти в решающее наступление. В связи с этим вопрос назначения срока представляется очень

сложным. Разумеется, обстановка может сложиться с абсолютной отчетливостью; когда у руководящего органа партии не может остаться более и тени сомнения: пробил час, надо действовать! Но если такая оценка является за 24 часа до решающего момента, то призыв может запоздать, партия может оказаться застигнутой врасплох и, следовательно, неспособной овладеть движением, которое в таком случае может пойти навстречу поражению. Нужно, следовательно, по возможности заранее предвидеть приближение решающего момента, или, иначе сказать, нужно своевременно, сообразуясь с общим ходом движения и со всей обстановкой в стране, наметить срок для решающего удара.

Если, скажем, срок намечается через месяц или два, то за это время Центральный Комитет или руководящий орган партии дает партии необходимый разгон путем решительной агитации, которая ставит все основные вопросы ребром, и путем соответственной организационной подготовки, отбора и распределения наиболее боевых элементов и пр. Совершенно очевидно, что срок, назначенный за месяц, за два, а тем более за три или за четыре, не может иметь абсолютного характера, но тактика наша должна быть такова, чтобы она всем ходом своим проверяла правильность или неправильность намеченного срока

по мере приближения к нему. Возьмем пример: политическими предпосылками успешного вооруженного восстания является поддержка боевого авангарда большинством трудящихся в решающих пунктах и областях страны и соответственная расшатка органов государственной власти. Допустим, что такое состояние приближается, но еще не наступило. Силы революционной партии быстро нарастают, но еще трудно констатировать, есть ли за нею необходимое большинство. Между тем, обстановка становится все более и более острой, вопрос о восстании надвигается, как практическая проблема. Как поступает Центральный Комитет партии? Он может наметить, например, следующий план: 1) раз влияние партии быстро растет, если судить по темпу последних недель, то можно надеяться, что в таких-то и таких-то главнейших пунктах страны большинство рабочих уже в ближайшие недели окажется на нашей стороне,—сосредоточим в таких решающих пунктах лучшие силы партии и допустим предположительно, что завоевание большинства потребует от нас еще месяца; 2) раз большинство важнейших пунктов на нашей стороне, то мы сможем призвать рабочих к созданию Советов рабочих депутатов, разумеется, при условии, что дальнейшая расшатка правительственного аппарата пойдет своим че-

редом. Допустим, что на создание Советов в важнейших центрах и областях страны требуется еще две недели; 3) раз в важнейших центрах и областях страны возникают Советы под нашим руководством, то следующим естественным этапом явится общегосударственный Съезд Советов. На это тоже нужно недели две—четыре. Совершенно очевидно, что в такой обстановке Съезд Советов должен только увенчать захват власти, иначе съезд окажется пустышкой и будет разогнан,—другими словами, уже до момента съезда реальный аппарат власти должен быть в руках пролетариата. Таким образом, восстание намечается через два—два с половиной месяца. Этот срок, вытекающий из общей оценки политической обстановки и ее дальнейшего развития, в свою очередь, определяет характер и темп подготовительной военно-революционной работы по линии разложения буржуазной армии, по линии работы на железных дорогах, по линии создания рабочих вооруженных отрядов и пр. Мы даем вполне определенное задание подпольному коменданту города: в течение первых четырех недель сделать то-то и то-то, в следующие две недели детализировать и углубить работу так-то, и, наконец, через новые две недели быть наготове к действию. Военно-революционная работа введена, таким образом, в рамки определенного срока, с кон-

кретно-поставленными частными целями. Этим устраняются те расплывчатость и выжидательность, которые могут оказаться роковыми, наоборот, достигается необходимая концентрированность усилий и соответственная решимость руководящих элементов не только вверху, но и внизу. Тем временем политическая работа идет полным ходом. Революция развивает свою дальнейшую логику. Через месяц мы уже имеем об'ективную проверку: действительно ли партии удалось овладеть большинством рабочих в важнейших пунктах страны? Эта проверка может быть дана какими-либо выборами, поведением профсоюзов, уличными манифестациями, а, вернее всего, сочетанием всех этих методов и форм. Если мы убеждаемся, что первый этап был определен правильно, то этим самым намеченный нами для восстания срок получает уже серьезное подкрепление. В противном случае, если бы оказалось, что влияние наше, сильно выросшее за месяц, все же еще не обеспечивает за нами большинства, нам пришлось бы, очевидно, отодвинуть срок. Одновременно мы получим все новую и новую проверку того, насколько правящий класс растерян, насколько деморализованы войска, насколько вообще ослаб аппарат репрессии. Этими проверками определяется, в свою очередь, то, какая часть нашей подготовительной работы выходит на-

ружу, а какая сохраняется в подполье. Организация Советов является дальнейшей возможной проверкой соотношения сил, а, следовательно, и условий вооруженного восстания. Конечно, не всегда, не везде и не во всех случаях можно будет создать Советы уже за несколько недель до восстания. Весьма вероятно такая обстановка, при которой Советы смогут быть созданы только в процессе самого восстания. Но там, где их можно будет вызвать к жизни под прямым руководством нашей партии еще при господстве буржуазии, они явятся уже прямыми предвестниками ближайшего восстания. Тем самым срок уточняется все более. Центральный Комитет проверяет работу своей военной организации по всем ее отделам, подгоняя эту работу под политическую обстановку. Надо при этом иметь в виду, что военная организация, как таковая, всегда будет считать себя неготовой, исходя не из общей оценки обстановки и соотношения сил, а из оценки своих собственных военно-организационных достижений, но решает, конечно, общая политическая оценка, и в том числе оценка ударных сил врага и наших собственных. Таким образом, срок, намеченный за два—три—четыре месяца, может оказать совершенно неизменяемую организующую роль, независимо от того, будет ли он затем подтвержден пунктуально, или же

будет передвинут на несколько дней или недель в ту или иную сторону. Разумеется, наш пример чисто гипотетический, но он, как мне кажется, достаточно хорошо иллюстрирует мысль. Дело идет не о произвольной игре с календарными датами, а о том, чтобы выкристаллизировать срок из хода самих событий, проверять этот заранее намеченный срок через последовательные этапы движения, все более уточнять этот срок и в то же время приурочивать к нему сосредоточенные революционные усилия во всех областях работы.

Еще раз повторяю: под этим углом зрения надо тщательнейшим образом изучить опыт Октябрьского переворота—единственной до сих пор победоносной революции пролетариата. Надо составить стратегический и тактический календарь Октября. Надо показать, как события нарастали волна за волной, как они отражались в партии, в Советах, в Центральном Комитете, в военной организации. Что означали колебания внутри партии? Каков был их удельный вес в общем размахе событий? Какова была роль военной организации? Вот работа неценимой важности. Откладывать ее дальше было бы прямым преступлением.

Затишье перед грозой.

Есть еще один вопрос, который имеет громадное значение для понимания хода гражданской войны и который должен найти то или другое выражение в нашем будущем «уставе». Кто внимательно следил за прениями, возникшими после германских событий прошлого года, тот, разумеется, заметил такого рода объяснение великого поражения: «Главная причина в том, что у немецкого пролетариата к моменту решающих событий не было боевого настроения; масса не хотела драться; это лучше всего доказывается тем, что она не откликнулась на наступление фашистов; а раз масса не хочет драться, что же тут может сделать партия...» и пр. и пр. в том же роде. Мы слышали это от т. т. Брандлера, Тальгеймера и др. На первый взгляд довод кажется действительно неотразимым: если масса не хочет драться, то тут уж ничего не поделаешь. Но, с другой стороны, откуда же возник «решающий момент»? Он явился результатом всей предшествующей борьбы, которая шла, повышаясь и обостряясь. 1923 год заполнен боями немецкого пролетариата. Как же это так могло случиться, что как раз перед своим Октябрем немецкий рабочий класс сразу лишился боевого настроения? Непонятно. Да верно ли самое указание на не-

Желание рабочих драться?—возникает естественный вопрос. А от этого вопроса мысль ведет нас снова к нашему собственному октябрьскому опыту. Если перечитать предоктябрьскую печатку, хотя бы только нашу партийную, то увидим, что товарищи, выступавшие против вооруженного восстания, ссылались именно на нежелание рабочей массы драться. Сейчас это кажется невероятным, но, тем не менее, таков был главный аргумент. Мы имели, следовательно, аналогичное явление: весь 1917 год был заполнен боями пролетариата, а когда дело дошло до захвата власти, раздались голоса о том, что масса не хочет драться. И действительно, в движении перед Октябрем нагупило некоторое затишье. Случайность ли это? Или же некоторый исторический «закон»? Устанавливать закон было бы, пожалуй, слишком поспешно. Но совершенно несомненно, что для такого явления должны быть некоторые общие причины. Явление это в природе называется «затишьем перед бурей». Смысл его в революции, мне кажется, таков. В течение известного периода боевое настроение массы растет, принимая самые различные формы: стачки, манифестации, уличные столкновения и т. д. Масса впервые начинает по-настающему сознавать свою силу. Один уже рост массовидности движения доставляет массе политическое удовлетворение.

Вчера в движении участвовали сотни тысяч, а сегодня миллион. Целый ряд экономических и политических позиций захвачен стихийным напором, масса поэтому легко пускается в каждую новую стачку. Но этот период неизбежно исчерпывает себя, растёт опыт массы и вместе с тем её организация. А с другой стороны, и враг показывает, что не собирается сдавать свои основные позиции без боя. В соответствии с этим революционное настроение массы становится более критическим, более углубленным, затем и более тревожным. Она ищет—особенно после тех или других промахов или частичных поражений—правильного руководства, хочет получить уверенность в том, что ею будут и умеют руководить, и что в решающем бою она может твердо рассчитывать на победу. Вот этот переход от оптимистической, почти не рассуждающей стихийности к более критической сознательности и порождает революционную заминку—известный кризис в настроении масс. При прочих необходимых условиях этот кризис может быть преодолен только политикой партии, т.е. прежде всего её подлинной готовностью руководить восстанием пролетариата. Между тем, историческая грандиозность задачи (захватить власть!) порождает неизбежные колебания и в самой партии, особенно в верхах её, где концентрируется от-

ветственность. Оба явления, совсем, конечно, неравноценные—затишье перед бурей в низах и колебания на верхах,—естественно совпадают по времени. И вот почему мы слышим предостерегающие голоса: «Вы видите, масса совсем не рвется в бой, наоборот, она настроена скорее пассивно; было бы при таких условиях авантюризмом звать ее на вооруженное восстание». Незачем говорить, что когда такие настроения получают преобладание, то этим одним уже революция обеспечено поражение. А после поражения, происшедшего по вине партии, открывается уже полная возможность твердить на все лады, что восстание было невозможно, так как массы его не хотели. Этот вопрос должен быть тщательно проработан. Надо, на основании имеющегося опыта, учиться определять этот предгрозовой момент, когда пролетариат как бы говорит себе: «Одними стачками, демонстрациями, протестами дальше не пойдешь; тут уж нужно драться; драться я готов, потому что другого выхода нет; но драться уж надо по-настоящему, т.-е. сосредоточив все силы и обеспечив правильное руководство». Тут вся ситуация заостряется до последней степени. Обстановка характеризуется архи-неустойчивым равновесием: шар на вершине конуса. В зависимости от толчка, шар может скатиться и в ту и в другую сторону. У нас, благодаря твердости и реши-

мости партийного руководства, шар пошел по линии победы. В Германии политика партии толкнула шар в сторону поражения.

Политика и военное дело.

Какой характер должна иметь наша работа над «уставом»: политический или военный? Она начинается с того пункта, где политика превращается в военное дело, и рассматривает дальше политику под углом зрения военного дела. Это на первый взгляд кажется противоречием, потому что не политика служит вооруженному восстанию, а вооруженное восстание служит политике. Но на самом деле тут никакого противоречия нет. Восстание в целом служит, разумеется, основным целям пролетарской политики. Но когда восстание в ходу, то текущая политика должна быть полностью и целиком подчинена восстанию.

Переход политики в военное дело и сочетание их вообще создают большие трудности. Мы знаем, что стыки слабее всего. Вот на стыках между политикой и с военным продолжением также нетрудно споткнуться. Мы это видели немножко и здесь. Товарищ X показал нам методом от обратного, как трудно сочетать политику с военным делом, товарищ У—ошибку товарища X еще подкрепил. По словам товарища X выходит, будто Ленин в

в 1918 году значения Красной армии не признавал, а говорил, что бьются две мировые силы, и это нас спасает. А товарищ У прибавил: «Да, мы играли роль смеющегося третьего...» Никогда ничего подобного товарищ Ленин не говорил и не мог сказать. Здесь у обоих товарищей явно неправильный переход от политики к военному делу. Конечно, если бы Германия была к моменту нашей Октябрьской революции победительницей, если бы европейский мир был уже подписан, то Германия нас раздавила бы, имели ли бы мы при этом армию в сто тысяч, пятьсот тысяч или даже в три миллиона,—она бы нас раздавила, ибо такой силы, как победоносная германская армия, у нас не могло бы быть ни в 1918, ни в 1919 году. Следовательно, борьба двух мировых лагерей была для нас основным прикрытием. Но в рамках этой борьбы мы погибли бы сто раз, если бы у нас не было в 1918 году нашей маленькой и слабой Красной армии. Разве то обстоятельство, что Англия и Франция парализовали Германию, решало проблему Казани? Если бы мы Казань не удержали нашими полупартизанскими, плурегулярными отрядами и дали белым продвинуться до Нижнего и Москвы, то нас перерезали бы как кур и были бы правы, а мы могли бы сколько угодно ссылаться при этом на то, что хотя армии у нас и нет, но

зато мы—«смеющийся третий»... с перерезанным горлом. Тов. Ленин становится на точку зрения политическую и говорит: «Милые друзья, военные работники, не зазнавайтесь. Вы представляете лишь один из факторов в сочетании сил, но вы не единственная и даже не главная сила,—держимся мы фактически европейской войной, т.-е. благодаря тому, что империалисты сейчас друг друга парализуют». Но отсюда никак не вытекает, будто Ленин в 1918 году «не придавал армии значения». Если перевести тот же метод рассуждения на внутренние задачи революции, на вооруженное восстание, например, то придем к очень любопытным выводам. Возьмем, например, вопрос о создании боевых отрядов. Подпольная или полуподпольная коммунистическая партия через свой подпольный военный отдел создает боевые сотни. С точки зрения решения вопроса о власти это как-будто совсем-таки ничтожная вещь. Что такое несколько десятков вооруженных или полувооруженных сотен? Если стать на точку зрения социальную, историческую, то вопрос о власти решается составом общества, ролью пролетариата в производстве, политической сознательностью пролетариата, степенью распатанности старой государственной власти и пр.—вот чем решается вопрос. Но ведь это только в последнем или предпс-

следнем счете. А непосредственно? Непосредственно исход борьбы может зависеть от наличия десятка вооруженных отрядов. Необходимые социальные и политические предпосылки (этим предпосылкам должно быть посвящено введение в наш «устав») создают предварительные условия успеха, но они автоматически вовсе еще не обеспечивают успех, они доводят дело до того пункта, где политика переходит в вооруженное восстание, и говорят: «А теперь извольте поработать штыком!»

Еще раз повторяю. Гражданская война есть обостренное продолжение классовой борьбы. Вооруженное восстание есть продолжение политики, но особыми средствами, поэтому и судить о восстании нужно под углом его особых средств. Нельзя мерить политику военным аршином, но и военное дело нельзя мерить одним лишь политическим аршином, — скажем, в отношении времени. Это тоже серьезный и самостоятельный вопрос, который должен найти освещение в нашем уставе. В подготовительный период мы измеряем время политическим аршином, т. е. годами, месяцами, неделями. В период вооруженного восстания мы измеряем время часами и днями. Не даром говорится, что в военное время месяц идет за год; иногда и день за год. В апреле 1917 г. Ленин говорил: «Терпеливо и на-

стойчиво раз'яснить рабочим...», а в конце октября уже не оставалось времени на терпеливое раз'яснение тому, кто еще не понял,— нужно было идти в наступление во главе тех, которые уже поняли. Упущение лишнего дня в октябре означало бы крушение работы многих подготовительных месяцев и лет. Я вспоминаю ту военную игру, которую вы проводили несколько месяцев тому назад в Военной Академии. Там у вас вышел, насколько помню, спор, уводить ли немедленно части из Белостокского района, в виду безнадежности тамошних позиций, или задержаться там, в надежде на восстание в Белостоке, как пролетарском городе. Разумеется, решить такой вопрос серьезно можно лишь на основании самых точных и реальных данных. Военная игра этими данными не располагает, так как в ней все условно. Но принципиально говоря, в вашем споре столкнулись два мерила времени: чисто военное и революционно-политическое. А какое мерило, при прочих равных условиях, господствует на войне? Военное. Другими словами: поднимется ли Белосток за несколько дней—сомнительно, а если и поднимется, то неизвестно, что сделает поднявшийся пролетариат без военной подготовки и вооружения, а потерять за два, за три дня две—три дивизии вполне возможно, если они будут топтаться на безнадежных позициях

в ожидании восстания, которое само по себе не может еще радикально изменить военную обстановку. На известном опыте с Брест-Литовским миром мы имели классический пример неправильного применения политического и военного мерил времени. Вы знаете, что большинство Центрального Комитета, и я в том числе, решили прогив меньшинства, во главе которого стоял т. Ленин, не подписывать мира, хотя и был риск, что немцы начнут наступать. Какова была мысль этого решения? Часть говарищей утопически надеялась на революционную войну; другая часть, и я в том числе, считала необходимым «прощупать» немецкого рабочего: окажет ли он сопротивление кайзеру если тот станет наступать на революцию. В чем была здесь ошибка? В чрезмерности риска. Для того, чтобы раскачать немецкого рабочего, могли понадобиться недели или месяцы, а для того, чтобы немецким войскам добраться до Двинска, Минска и Москвы, нужны были, по тем временам, недели и дни. Революционно-политический аршин—долгий, а военный—короткий. И кто не уяснит себе этого до конца, как следует быть, проработав имеющийся опыт, продумав и обобщив его, тот рискует из сочетания революционной политики и военного дела, т.-е. из величайшего нашего преимущества, сделать источник новых и новых ошибок.

Необходима величайшая ясность в постановке вопросов гражданской войны.

Тов. П. опять вернул нас к вопросу о том, какой собственно устав мы пишем: устав вооруженного восстания или устав гражданской войны. Я все-таки остаюсь при своем мнении. Не надо, — говорит он, — замаскироваться слишком широко, иначе наша задача совпадет вообще с задачами политики Коминтерна. Ничего подобного! Кто так говорит, тот явно смешивает гражданскую войну в точном смысле этого слова с классовой борьбой. Если мы обратимся к Германии, как к объекту изучения, то мы можем, например, с большой пользой заняться мартовскими днями 1921 года. После того следует длительный период собирания сил под лозунгами единого фронта. Совершенно очевидно, что к этому периоду устав гражданской войны никак не подойдет. С января 1923 года, с оккупации Рура, создается снова революционная обстановка, которая резко обостряется с июня 1923 г., когда терпит крушение буржуазная политика пассивного сопротивления и, вместе с тем, шатается или разваливается вся буржуазная государственность. Вот этот период мы, разумеется, должны подвергнуть тщательному изучению, с одной стороны, как классический образец развития и нарастания революционной ситуации, а с другой стороны,

как столь же классический образец упущенной революции.

Гражданская война в Германии была в прошлом году, но увенчания и разрешения своего через вооруженное восстание она не получила. Исключительная и беспримерная революционная ситуация сошла на-нет, и буржуазия снова упрочилась. Почему? Потому, что политика не получила в необходимый момент необходимого продолжения другими, т.-е. вооруженными средствами. Разумеется, что возрождение в Германии буржуазного государственного режима после прошлогоднего срыва пролетарской революции имеет очень и очень сомнительную устойчивость. Революционная ситуация вернется, — когда именно, нельзя сказать. Но совершенно очевидно, что август 1924 года совсем не таков, каким был август 1923 года. И если бы мы закрывали глаза на опыт, если бы мы не научались из опыта, если бы мы пассивно шли навстречу новым ошибкам такого рода, то это могло бы привести к повторению прошлогодней немецкой катастрофы, что создало бы величайшую угрозу для революционного движения.

Вот почему в этой области меньше, чем в какой-либо другой, мы можем допускать смазанность основных понятий. Здесь опять пытались привести бесформенно-скептические возражения насчет срока, явно уклоняясь от

марксистской постановки вопроса о восстании, как искусстве. В качестве чего-то чрезвычайного нового и поучительного нам приво-дят соображения о том, что условия очень сложны, что обстановка меняется, что нельзя поэтому заранее себя связывать и пр. и пр. Но если не идти дальше этих общих мест, то нужно ведь отказаться и от оперативных воен-ных планов и сроков, ибо на войне условия иногда быстро и неожиданно меняются. Опе-ративный план никогда не реализуется на 100%, хорошо, если он реализуется на 25%, т.е. подвергается на 75% измене-нию в процессе своего выполнения. Но пол-ководец, который на этом основании стал бы вообще отрицать пользу оперативного пла-на, заслуживал бы смиренной рубашки. И, во всяком случае, я рекомендую такой путь, как методологически единственно правиль-ный: давайте находить общие правила, общие нормы, а затем будем говорить об из'ятиях, введем оговорки и пр. Если же мы начнем с из'ятий, оговорок, уклонений, сомнений, ко-лебаний, то ни до каких выводов никогда не доберемся.

Один из выступавших товарищей оспари-вал мое замечание насчет эволюции военной организации в подготовительный период, во время восстания и после захвата власти. Пар-тизанщина, — говорил он, — вообще недопусти-

ма, нужна правильная военная организация. «Партизанщина есть хаос». Слушая эти речи, я чуть-чуть не дошел до отчаяния. Что это, в самом деле, за невозможное доктринерски-академическое высокомерие! «Партизанщина есть хаос». Да с этой формальной генерально-штабной точки зрения и революция есть хаос. И большую войну мы в соответственных случаях будем дополнять малой войной, т.-е. такой, которая ведется отрядами партизанского типа. А в первый период революции только на такие отряды и приходится, главным образом, полагаться. Но, — возражают нам, — эти отряды должны быть «типовыми». Если вы хотите этим сказать лишь, что и в партизанскую войну нужно вносить все доступные ей элементы упорядоченности, то это правильно. Но если вы мечтаете об иерархически-централизованной военной организации, созданной уже до вооруженного восстания, то это — утопия, которая может оказаться при проведении роковой. Если передо мной стоит задача овладения из подполья городом (как часть задачи по овладению властью в стране), то я разбиваю свою задачу на ряд частных задач (овладение главными правительственными зданиями, вокзалом, почтой, телеграфом, типографиями) и поручаю выполнение каждой из них начальникам небольших самостоятельных отрядов, заранее подготовлен-

ных для этих задач. Каждый отряд должен полагаться только на себя и иметь при себе своего главного интенданта; иначе, захватив телеграфную станцию; отряд может оказаться без пищи. Погоня за типовой регламентацией неизбежно приведет к бюрократизации, которая в этот период опасна вдвойне: во-первых, потому, что внушит начальникам боевых дружин и отдельным дружинникам ложную мысль о том, что ими кто-то будет сверху управлять, командовать; тогда как их нужно воспитывать в духе величайшей самостоятельности и предприимчивости; с другой стороны, бюрократизация, связанная с иерархической системой, оттянет лучшие элементы из дружин во всякие штабы. С первого же момента восстания штабы эти великолепнейшим образом повиснут в воздухе, а боевые отряды, ожидая руководства сверху, будут обречены на полупассивность и утрату времени, что для восстания означает верную гибель. Вот почему генерально-штабное чванство по отношению к партизанщине, как «хаосу», должно быть осуждено, как не реалистическое, не научное, не марксистское.

И после завоевания власти в главных центрах страны революционные партизанские отряды на периферии могут играть чрезвычайно прогрессивную роль. Нужно ли напоминать, какую услугу Красной армии и революции

оказывали партизанские отряды в тылу у немцев на Украине или в тылу у Колчака в Сибири? Вместе с тем нужно, однако, установить за неизбежное правило, что революционная власть сейчас же принимает меры к тому, чтобы включить лучшие партизанские отряды и лучшие их элементы в систему правильной военной организации. Иначе эти партизанские отряды, несомненно, станут элементами хаоса и могут выродиться в ударные кулаки вооруженной мелко-буржуазной анархии против пролетарского государственного порядка. Примеров таких мы видели немало. Указывают, с другой стороны, на то, что среди партизан, туго поддававшихся правильной организации, было немало героев. Называли Сиверса, называли Киквидзе. Я мог бы назвать много других. И Сиверс и Киквидзе боролись как герои и пали как герои. Сейчас в свете их великих заслуг перед революцией совершенно бледнеют и меркнут те или другие отрицательные партизанские черты их боевой работы. Но в тот период борьба с этими чертами была обязательна. Только через борьбу с партизанщиной мы пришли к созданию Красной армии и к ее решающим победам.

Еще и еще раз предупреждаю против расплывчатости терминологии, так как за этим чаще всего скрывается расплывчатость поня-

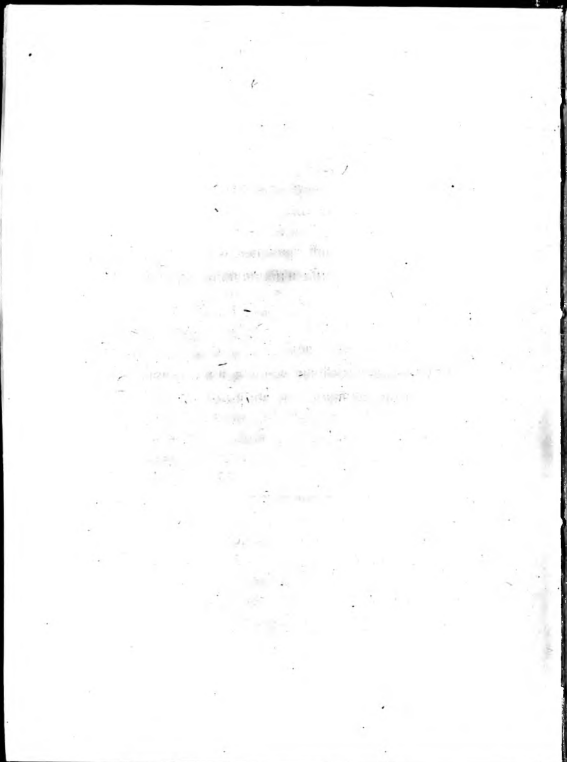
тий. Еще и еще раз предупреждаю прогив уклонения от прямой и мужественной постановки вопросов под предлогом того, что все течет, все меняется. Внешним образом это чрезвычайно напоминает диалектику и, во всяком случае, охотно выдает себя за диалектику. Но на деле это не так. Диалектическая мысль как пружина, а пружина делается из закаленной стали. Скептические оговорочки ничего не решают и ничему не научают. Когда основная мысль выделена резкой чертой, тогда оговорки и ограничения могут правильно расположиться вокруг нее. Если же ограничиваться одними оговорками, то получится в теории конфузия, а на практике — хаос; а конфузия и хаос не имеют ничего общего с диалектикой. По существу дела под такого рода лжедиалектикой скрывается чаще всего социал-демократическое или обывательское отношение к революции, т.-е. как к чему-то, что совершается помимо нас. Об отношении к вооруженному восстанию, как к искусству, при таком подходе не может быть и речи. Между тем, мы хотим заняться именно теорией этого искусства.

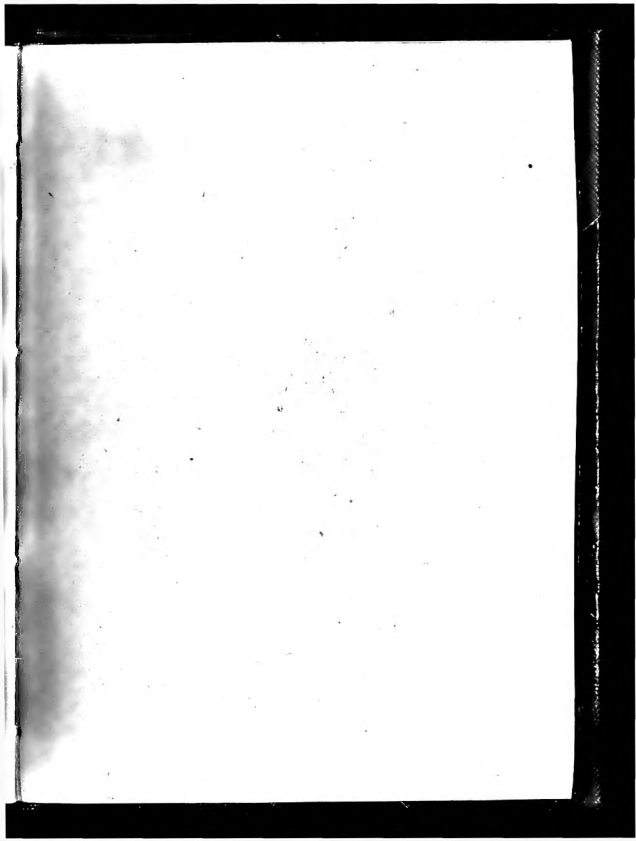
Все эти вопросы должны быть нами продуманы, проработаны, оформлены. Они должны войти составной частью в наше военное воспитание и обучение,—по крайней мере, для высшего командного состава. Связь этих во-

просов с задачами обороны Советской Республики ясна и несомненна. Враги все еще продолжают твердить, будто Красная армия имеет своей задачей искусственно вызывать взрывы в других странах и разрешать их при помощи своего штыка. Незачем говорить, что эта карикатура не имеет ничего общего с нашей действительной политикой. Мы больше всего озабочены сохранением мира, и мы это доказали и доказываем всем своим поведением: и серьезными уступками при договорах и последовательным сокращением вооруженных сил. Но мы достаточно воспитаны в духе революционного реализма, чтобы отдавать себе ясный отчет в том, что наши враги еще попытаются прощупать нас при помощи оружия. И если мы далеки от мысли искусственными военными мерами форсировать развитие революции, то, с другой стороны, мы уверены, что война капиталистических стран против Советского Союза будет связана с глубокими социальными потрясениями и с явлениями гражданской войны в странах наших врагов. К этому мы должны быть готовы. Мы должны уметь сочетать навязанную нам оборонительную войну Красной армии с гражданской войной в стане наших врагов. В этом смысле устав гражданской войны должен стать одним из необходимых элементов военно-революционной учебной системы этого типа.

Содержание.

	<i>Стр.</i>
Возможен ли „устав“ гражданской войны . . .	3
Вооруженное восстание и назначение „срока“ . . .	11
Когда начинать?	20
Затишье перед грозой	29
Политика и военное дело	33
Необходима величайшая ясность в постановке вопросов гражданской войны	39

~~Цена 20 коп.~~

Пр. 25к

9

